

Глава 3. Мой брат, часть 2

Наклеив на запястье компресс, я решил, что сегодня лучше спокойно посижу в комнате.

Если я снова туда пойду и с ним столкнусь, в этот раз всё может кончиться настоящей травмой. К тому же, двигаться через боль нельзя: если запястье неправильно срастется, потом хлопот не оберёшься.

Но и просто сидеть без дела — пустая трата времени, так что я решил хоть немного позаниматься. Сняв с книжной полки подходящий том, я глубоко откинулся на диване и раскрыл страницу.

Выбранная книга оказалась о государственном управлении и экономике. Скорее всего, попала сюда случайно — вряд ли её поставили в мою комнату специально. Тут явно вышла какая-то ошибка.

Потому что мои родные никогда не позволили бы мне такое читать.

Однако, раз уж она просто лежала в доме, содержание оказалось увлекательным и занятным. Я и сам не заметил, как потерял счёт времени и погрузился в чтение.

«...Эй, тебе говорю».

Интересно, кто читал эту книгу. Отец? Или оба старших брата? Нет — скорее всего, все трое.

Почему они втроём ненавидят меня — я знаю лишь как факт. Но могу ли я с этим смириться — совсем другой вопрос. Абсолютно не могу принять.

«...До чего же утомительно».

«Эй, тебе говорю!»

Слова вырвались сами собой, и в этот же миг кто-то с силой толкнул меня в спину.

«...!»

Толчок оказался настолько сильным, что я рухнул грудью на стол, стоявший перед диваном. Пытаясь удержаться при падении, я инстинктивно опёрся на руку — и острая боль пронзила запястье.

Это было то самое запястье, за которое меня совсем недавно хватали. Среагировал я не думая,

чисто рефлекторно.

Я кое-как сдержал крик, но боль не отпускала. Внутри всё кипело: «Ты что творишь!»

— однако я понимал: скажи я хоть слово, будет только хуже. И промолчал.

Вместо этого обернулся и уставился на обидчика с немим упрёком.

— Чего уставился? Есть претензии?

Я перевёл взгляд на скрестившего руки второго сына семейства Игараси.

Игараси Акидзи. По сюжету игры ему восемнадцать, на год старше меня. Сейчас ему тринадцать.

Каштановые волосы чуть темнее, чем у отца и старшего брата, голубые глаза. Пока ещё лицо по-мальчишески дерзкое, но когда вырастет, станет красавцем с холодноватой, отстранённой красотой. Хотя это-то как раз и ясно: пристрастие разработчиков к безупречной внешности персонажей попросту ужасает.

По отношению к главной героине он ведёт себя как чуточку вредный, эгоцентричный персонаж, но ко мне питает одну только враждебность.

Более того — то ли из-за близкого возраста, то ли потому, что ещё ребёнок, — он порой переходит к прямому насилию, так что сейчас он прочно возглавляет список тех, с кем я меньше всего хочу иметь дело.

Вероятно, он испытывал ко мне те же чувства и в обычное время ни за что не стал бы специально тащиться в отдельный корпус. Зачем же он явился сейчас?

Я никак не мог понять намерений собеседника и молча терпел вернувшуюся боль в запястье, как вдруг услышал громкое цоканье языком.

— Чего, не собираешься, как обычно, приставать ко мне со своей болтовнёй? Просто молча смотреть — уже противно.

Когда я надоедаю, он злится; когда веду себя тихо — жалуется. Слушать это иррациональное поведение было невыносимо, и мне самому до зубовного скрежета хотелось цокнуть языком.

— ...Зачем ты пришёл?

Неужели я и вправду умудрился за такое короткое время получить травмы от обоих братьев? Может, после начала игры я и обижал главную героиню, но сейчас-то я — всего лишь капризный ребёнок. Можно было бы и проявить немного снисхождения.

Мой вопрос прозвучал сухо; за этой сухостью пряталась досада. Увидев, что я веду себя совсем не так, как обычно, Акидзи в первый миг удивился, а затем быстро вернулся к привычному высокомерному тону.

— Ты, говорят, был на спортплощадке. Мне Хадзимэ-нии-сама сказал. Что ты вёл себя как-то странно.

Старший брат вроде бы должен быть по горло занят учёбой в университете и подготовкой к работе учителя, второй брат уже с головой погружён в обучение как наследник — но им что, настолько скучно?

Иначе они не стали бы тратить время на того, кого ненавидят.

— Ты, кажется, заявил, что будешь вести себя тихо, но нас не обманешь. Всё равно ведь строишь какие-то козни. И что это за книжонку ты тут читал?

Это ты мне мешаешь читать. Я не мог возразить и молчал, но в следующий миг он вырвал книгу у меня из рук.

— И что это? Наука о государственном управлении и экономике? Не тебе такое читать, дурак. Всё равно ничего не поймёшь, кончится тем, что разревешься.

Я решил сохранять спокойствие. Надо терпеть. Если позволить ему наговориться, он насытится и скоро уйдёт.

Так успокаивал себя разум, но от слов всё равно становилось больно.

— Уж не пытаешься ли ты вцепиться в семью? Брось. Ты бесполезен. И отец наверняка хочет поскорее от тебя избавиться.

Почему меня так ненавидят? Слова, как ножи, режут тело, оставляя невидимые раны.

Хорошо ещё, что моя душа не успела умереть. Или, может быть, прошлый я стал таким — злым и отчаянным — именно потому, что уже умер внутри?

Старался, чтобы его полюбили, а из-за этого с каждым разом становился всё более ненавистным — что за злая бесконечность. Теперь, когда я сам оказался на его месте, меня переполняет сочувствие.

— Да и та женщина была точно такой же, как ты: душой, высокомерной, ни на что не годной, кроме внешности. Хорошо, что быстро сдохла.

Эти слова стали последней каплей. Ни прежний я, ни нынешний — никто из нас не мог стерпеть, когда плохо говорят о матери.

Намерение вести себя тихо вылетело из головы напрочь. Когда я опомнился, то уже изо всех сил бил второго брата по лицу.

<http://bllate.org/book/18080/1739674>